

Ю. А. СЕДИНИНА-БАРКОВСКАЯ

**ДРИАДЫ КАК ОДНА ИЗ ДРЕВНИХ РАС В МИРОПОСТРОЕНИИ
СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Т. ПРАТЧЕТТА,
А. САПКОВСКОГО И О. ГРОМЫКО)**

В мифологических системах практически всех народов в той или иной форме фигурируют деревья. Это закономерно, т. к. образ дерева включает в себе глубокий смысл. Даже в различных областях современной науки, к примеру, лингвистике, социологии, химии и математике, дерево используется как универсальная наглядная модель. В мифологии дерево в первую очередь представляет собой схему тройственного мироустройства, т. к. его корни уходят глубоко под землю, а крона с ветвями и листьями поднимается к небу. Таким образом, дерево становится своеобразным связующим звеном между тремя сферами мира и их обитателями. В то же время дерево, вырастающее до исполинских размеров из крохотного семени, чтобы затем воспроизвести себя в других семенах, в значительной мере воплощает представления людей о жизни и смерти как вечном природном цикле (рождение — плодородие — смерть). Поскольку одной из основных задач лучших произведений такой разновидности фантастической литературы, как фэнтези, является обобщение опыта предыдущих поколений, который помогает человеку вжиться в мир, адаптироваться в моральном и эмоциональном плане, то мифопоэтический образ дерева становится очень востребованным.

Для древнегреческой мифологии характерно ощущение наполненности окружающей природы жизненной силой, вера в то, что растения и животные имеют душу, т. е. анимизм. Как верно замечает Ф. Ф. Зелинский, «для греческого сознания мертвой природы не было: она вся была жизнью, вся — божеством» [8, с. 22]. Наглядным примером анимизма в древнегреческой мифологии являются такие существа, как нимфы — покровительницы деревьев, дриады. Без сомнения, образ прекрасных дев показался в достаточной мере привлекательным для создателей вымышленных миров литературы фэнтези. Впервые дриады как одна из древних дочеловеческих рас появляются в романе популярного английского писателя Т. Пратчетта «Цвет волшебства» (1983), первом произведении знаменитого цикла о Плоском Мире. Причисление дриад к Старшим Народам и, соответственно, помещение их в фэнтезийное миропостроение мы также встречаем в саге о Цири и Геральте знаменитого польского фантаста, одного из классиков жанра фэнтези Анджея Сапковского (начиная со второго рома-

на — «Меч предназначения» (1992)). Также дриады как одна из Разумных Рас описаны в т. н. «белорском цикле» романов белорусской писательницы О. Громыко (наиболее подробно — в романе «Верные враги» (2009)).

В древнегреческой мифологии можно выделить несколько видов дриад в зависимости от деревьев, с которыми они связаны. В романе «Верные враги» О. Громыко предоставляет нам следующую информацию:

Дриады, вопреки распространенному мнению, жили далеко не во всяких деревьях, предпочитая довольно редкую породу — снежный ясень... [5, с. 176].

Таким образом, мы можем заключить, что в разработке указанных персонажей автор использует миф о ясеневых дриадах — Мелиях (от др.-греч. μελία — ‘ясень’), рожденных из крови оскотенного Урана (Гесиод. «Теогония», 183–187). Также, поскольку в фэнтези дриады представляются одной из древних рас, нам кажется необходимым упомянуть об антропогоническом значении ясеня. Согласно мифу о пяти веках человечества, наиболее полно изложенному у Гесиода, третье поколение людей — медное — произошло от ясеневых деревьев. Вероятно, т. к. ясень использовался для изготовления копий, то и стал родоначальником самого воинственного поколения. Возможно также, что именно на этом основании богиня возмездия Немесида изображалась с ясеновой ветвью в руке [9, с. 117–118]. Примечательно также, что в романе А. Сапковского стрелы дриад, мстящих людям за попытки захвата священного леса Брокилон, также имеют ясеневое древко [14, с. 520].

У Пратчетта деревом дриад, в соответствии с этимологией их названия (от др.-греч. δρῦς — ‘дуб’), является дуб. У Сапковского, согласно традиции древнегреческой мифологии, священный лес составляют различные виды деревьев, однако именно дуб соответствует Верховной Дриаде, Повелительнице Брокилона:

Деревом Эитнэ был, конечно же, дуб. Точнее — три сросшихся комлями дуба, все еще зеленых, безо всяких признаков увядания, хотя Геральт определил их возраст лет в триста, не меньше [14, с. 553].

Следует отметить, что дуб также находит свое отражение в антропогонических воззрениях греков (Гомер. «Одиссея», XIX, 163), в соответствии с народным поверьем, что дуб был первым растением на земле [9, с. 109]. В то же время в произведениях О. Громыко образ дуба также постоянно присутствует в описаниях дриад и территории их обитания — Ясеневого Града. Так, «сами деревья напоминали дубы, такие же кряжистые и высокие» [5, с. 176]. Упоминается дуб и в описании звука шагов дриады в поведи «Капкан для некроманта» цикла «Белорские хроники»: «По ступенькам крыльца будто дубовой веткой прошуршали, и к нам присоединилась Ларрина» [6, с. 95].

Также по-разному авторами описывается способность дриад жить в деревьях. У О. Громыко фигурирует традиционная для древнегреческой мифологии модель соединения:

С деревьями они связаны вовсе не неразрывно, хотя в Ясневом Граде сливаются с ними каждую ночь (или день, в зависимости от настроения). Но в случае необходимости спокойно покидают лес на месяцы, а то и на годы... [5, с. 177].

У Т. Пратчетта модель «многоквартирного» дерева дриад напоминает гибрид небоскреба с муравейником, а вполне естественный внешний вид дерева получает квазинаучное объяснение при помощи понятия «мирового древа»:

То, что ты принижаешь названием «дерево», на самом деле четырехмерный аналог всей многомерной вселенной, которая... Нет, вижу, ты этого не знаешь [13, с. 155].

«Мировым», или «космическим» древом (*arbor mundi*) принято называть характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира. Мировое дерево выступает в качестве связующего звена между вселенной (макрокосмом) и человеком (микрокосмом). В античной литературе подобный образ мы можем встретить, например, у Вергилия:

Эскул прежде всего, который настолько вершиной
Тянется в ясный эфир, насколько в Тартар корнями.
Вергилий. «Георгики», II, 291–292. —
Перевод С. Шервинского.
[3, с. 96]

Однако в пародийной стилистике романа Пратчетта данное основополагающее понятие несомненно приобретает сниженный характер. Также стилистикой травестии определяется введение писателем мужских особей — дриадов — что, конечно же, абсолютно противоречит античной мифологической традиции:

— Знаешь, мне никогда не приходило в голову, что бывают мужчины-дриады. Даже когда я смотрел на дуб.

Один из великанов ухмыльнулся.

Друэлле фыркнула.

— Болван! А откуда, по-твоему, берутся желуди? [13, с. 154].

Плодородие является одной из характерных черт нимфы как воплощения производительных сил природы. «Ведь роща, лес — это вечное, неустанное плодотворение, создание той физической жизни, которой живет природа» [8, с. 25]. Однако оплодотворяющее начало в греческой мифологии воплощают прежде всего сатиры, хотя известны также факты рождения детей от смертных или богов. Например, основатель Аргоса Фороней был сыном нимфы Мелии и речного бога Инаха (Аполлодор. «Ми-

фологическая библиотека», II, 1, 1). Нововведение Т. Пратчетта скорее можно сравнить с представлениями некоторых первобытных народов о делении деревьев на особи мужского и женского пола, способные сочетаться между собой браком [15, с. 178]. Также следует отметить, что поселение дриад внутри дерева имеет строго матриархальную структуру. Женские особи мудры и владеют древней *магией корня и ветки*; мужские выполняют преимущественно охранительные функции, причем автор неоднократно подчеркивает их особую «дубовость»:

Дежурящий возле лестницы мускулистый дриад широко расставил руки и деревянно усмехнулся летящему в его сторону человечку [13, с. 159].

А. Сапковский представляет вниманию читателя значительно более реалистическую и интересную, на наш взгляд, модель экологически совершенного симбиоза дриад и деревьев:

— Геральт! — шепнула Цири. — Эти домики живут. У них есть листочки!

— Они из живого дерева, — кивнул ведьмак. — Именно так живут дриады, так строят свои дома. Ни одна дриада никогда не причинит боли дереву топором или пилой. Они любят деревья. Но умеют делать так, что ветки растут, образуя домики [11, с. 544].

В древнегреческой мифологии необходимо разграничивать дриад и гамдриад (от др.-греч. ἄμα — ‘вместе’), гораздо более тесно соединенных с деревьями и умирающих вместе с ними. Очевидно, в данном случае душа дерева как бы локализована в нем и должна разделить его судьбу, тогда как дриады воплощают в себе более позднее представление о том, что «дерево является не телом, а только пристанищем духа дерева, который по желанию может его покидать или возвращаться» [15, с. 128]. Однако уже в эпоху эллинизма вопрос о связи жизненной силы дриады и ее дерева решался неоднозначно. К примеру, Каллимах в гимне «К острову Делосу» оставляет вопрос открытым:

Мелия, нимфа тех мест, плясунья, думать забыла
О хороводах, и бледность покрыла робкой ланиты,
Ибо страшилась она за дуб соприродный, увидев,
Как сотряслась Геликонова грива. О Музы, откройте,
Правда ль, что с деревом вместе на свет рождаются нимфы?
Нимфы ликуют, когда от дождей кудрявится древо;
Нимфы тоскуют, когда опадают листья у древа...

Каллимах. «К острову Делосу», 80–85. —

Перевод С. Аверинцева.

[10, с. 115–116]

В Древнем Риме мы можем заметить еще большее смешение указанных мифологических фигур, к примеру, в изложенном Овидием мифе о царе Фессалии Эрисихтоне, срубившем священный дуб. В описании рощи Це-

реры, где находился указанный дуб, мы видим традиционный для классической мифологии танец бессмертных древесных нимф:

Часто дриады под ним хороводы в праздник водили
Часто, руками сплетясь по порядку, они окружали,
Дерева ствол...

Овидий. «Метаморфозы», VIII, 747–749. —

Перевод С. Шервинского.

[12, с. 183]

В то же время царь-святотатец, срубая дуб, убивает живущую в нем нимфу, также названную дриадой:

И только разить топором он наискось начал,
Дуб содрогнулся, и стон испустило богинино древо.
В то же мгновенье бледнеть и листва, и желуди дуба
Стали; бледностью вдруг его длинные ветви покрылись.
А лишь поранили ствол нечестивые руки, как тотчас
Из рассеченной коры заструилась кровь...

Овидий. «Метаморфозы», VIII, 757–762.

[12, с. 184]

Вопрос о связи жизнеспособности дриады с целостностью дерева О. Громыко кардинально решает в пользу дриад. Эмоциональная окраска, указанная эллинистическим поэтом, здесь, впрочем, также присутствует:

Если же подкараулить момент, когда дриада внутри, и начать кромсать ясень топором... то оттуда вовсе не потечет кровь, а вылезет разгневанная тетка и запросто даст вам в глаз [5, с. 178].

Однако гибель избранных дриадами деревьев напрямую зависит от смерти самих дриад и позволяет судить о приключившейся беде даже на расстоянии: «...через три дня ее дерево рухнуло, и дриады объявили официальный недельный траур...» [5, с. 115]. В данном случае нами скорее усматривается аналогия с другой разновидностью нимф — ореадами, горными нимфами, с рождением каждой из которых на вершинах гор вырастают высокие деревья, считающиеся священными и засыхающими на корню в тот миг, когда души горных нимф расстаются с жизнью (Гомеровский гимн IV «К Афродите», 257–273). Использование автором указанного мифа также определяет воспитательную функцию дриад в повести «Капкан для некроманта» — в момент опасности оборотень Шелена отправляет своего сына именно в город дриад. Согласно этому же гимну Афродита поручает ореадам вскормить и воспитать ее сына Энея.

Т. Пратчетт придерживается версии о взаимозависимости состояния здоровья дриады и дерева. Впрочем, степень причиненного вреда, вероятно, способна градуироваться:

Девушка опустилаь напротив и принялась молча разглядывать волшебника, время от времени потирая глубокую царапину на предплечье.

Ах да, дриада настолько связана со своим деревом, что страдает от ран вместе с ним, припомнил Ринсвинд [13, с. 155].

В свою очередь, в романах А. Сапковского угроза распространяется не на единичные деревья и их дриад. Одержимые жаждой наживы люди стремятся уничтожить священный лес Брокилон и его защитниц-дриад, презрительно именуемых «духобабамии»:

Не задирай носа, лесное чудище, бестия из пуши, реликт прошлого, а послушай, чего желаем мы... А мы желаем кедра, дуба и гокори, желаем красного дерева, тиса на луки и мачтовых сосен... Желаем рубить и пилить, и рыть землю, не опасаясь свиста стрел. <...> Мы не желаем терпеть в своих пределах какой-то Брокилон — лес, в который не можем войти. Такой лес раздражает нас, злит и сгоняет сон с вежд, потому что мы — люди, мы распоряжаемся этим миром. Мы можем, ежели захотим, допустить в наш мир нескольких эльфов, дриад или русалок. Если они не будут слишком нахальны. Подчинись нашей воле, Ведьма Брокилона. Или сгинь [14, с. 556].

Таким образом, в романе польского автора на античную мифологическую традицию накладывается исторический опыт межрасовых конфликтов. В войне людей с дриадами можно выделить два основных фактора, лежащих в основе большинства войн: проявление ксенофобных настроений и поиск экономической выгоды, не сдерживаемый никакими моральными барьерами. Особенно подчеркивает историческую аналогию факт назначения человеческими правителями награды за скальпы дриад. А. Сапковский также использует мифологию дриад как символ потребительского отношения к природе, ведущего к катастрофе. О недопустимости подобного подхода предупреждают и античные писатели. В «Аргонавтике» Аполлония Родосского мы находим рассказ о нечестивце, проклятом гамадриадой и вместе с потомками осужденным на растущую бедность:

...он, неразумьем объятый,
Дуб тот срубил, уступая мятежному юности пылу.
И потому-то его в грядущем долей убогой
Вместе с детьми покарала она.

Аполлоний Родосский.
«Аргонавтика», II, 480–483. —
Перевод Г. Церетели.
[2, с. 193]

В то же время можно отметить античную традицию в описании воинственных дриад, отстаивающих существование родного леса с луками в руках. С одной стороны, на создание данных образов оказали влияние мифологические представления греков об Артемиде, особенно характер ее почитания на полуострове Пелопоннес, где преобладают связи богини с куклами деревьев. К примеру, здесь ее называли Лигодесма, поскольку

ее образ был связан с ивой, а также Кариатида и Кедреатида — по названиям деревьев каштан и кедр. В то же время Артемида являлась предводительницей нимф и первоначально, вероятно, — главной нимфой. [7, с. 123; 11, с. 22–23]. Безжалостность вооруженных луками дриад Сапковского также соотносится с древнейшими представлениями об Артемиде как страшном божестве, несущем своими стрелами смерть людям, которые мы находим у Гомера:

Шипящий, ядовитый и оперенный свист, короткий звон наконечника, врезающегося в дерево. Ни шагу дальше, человек, говорил этот свист и этот удар. Прочь, человек, немедленно убирайся из Брокилона. Ты завоевал весь мир, человек, тебя везде полным-полно, ты всюду приносишь с собой то, что именуешь современностью, эрой изменений, что называешь прогрессом. Но нам здесь не нужен ни ты, ни твой прогресс. Нам не нужны перемены, которые ты несешь... Свист и удар. Прочь из Брокилона [14, с. 518].

С другой стороны, необходимо отметить влияние римской литературной традиции, а именно созданный Вергилием в «Энеиде» образ царевны вольсков Камиллы, воспитанной богиней Дианой и обученной воинскому искусству. Следует помнить, что, согласно исследованиям Дж. Дж. Фрэзера, «Диана была богиней лесов вообще, а в Неми была богиней дуба в частности» [15, с. 178]. Во главе отряда подруг Камилла, подобно истинной амазонке, выходит на бой против троянцев, прибывших в земли Италии:

Там, где сеча кипит, амазонка ликует Камилла:
То посылает она все чаще гибкие дроты,
То боевой свой топор рукой неслабеющей держит;
Лук золотой за спиной звенит — оружие Дианы.
Даже когда отступить заставляет Камиллу противник,
Стрелы она посылает назад, на бегу обернувшись.
Спутниц отборный отряд окружает Камиллу...
.....
Первым кого и последним кого, суровая дева,
Пика настигла твоя? Сколько тел ты в прахе простерла?
Вергилий. «Энеида», XI, 648–665. —
Перевод С. Ошеров.
[4, с. 370]

Цикл Т. Пратчетта о Плоском Мире задумывался автором как пародия на фэнтези-литературу, поэтому одним из основных авторских приемов является подчеркнутая эклектичность повествования. Пратчетт умышленно не создает законченного описания расы: дриады как абсолютно неожиданно возникают в повествовании, так же неожиданно из него и исчезают, причем с античными источниками связаны достаточно опосредованно. Гораздо более глубокое проникновение в античный материал демонстрируют произведения А. Сапковского и О. Громыко. В славянских литературах давно сформирована прекрасная традиция фантастической литературы.

Особо следует подчеркнуть, что в последнее время все чаще принято говорить о феномене именно славянской фантастической литературы, сообщившей традиционным фантастическим жанрам более глубокую и актуальную проблематику. При помощи одних и тех же мифологических образов авторы рассматривают различные аспекты наиболее актуальных проблем современности. В романе А. Сапковского дриады представляют собой удивительную поэтико-символическую интерпретацию древних мифов. Автор наглядно демонстрирует, какими разрушительными способны стать природные силы при исключительно потребительском обращении с ними. В то же время Сапковский вскрывает циничную экономическую подоплеку современных войн и межнациональных конфликтов. Пожалуй, наиболее наглядную связь с греческим мифом демонстрирует О. Громыко. В произведениях белорусской писательницы государство дриад служит своеобразным воплощением экологического равновесия, соразмерности природы и разумных существ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альбедиль, М. Ф.* В магическом круге мифов / М. Ф. Альбедиль. — Санкт-Петербург : Паритет, 2002. — 336 с.
2. *Аполлоний Родосский.* Аргонавтика / Аполлоний Родосский // Александрийская поэзия / сост. М. Грабарь-Пассек. — Москва, 1972. — С. 143–299.
3. *Вергилий.* Георгики / Вергилий // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Вергилий. — Москва, 1979. — С. 75–143.
4. *Вергилий.* Энеида / Вергилий // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Вергилий. — Москва, 1979. — С. 135–402.
5. *Громыко, О.* Верные враги / О. Громыко. — Москва : Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2009. — 476 с.
6. *Громыко, О.* Белорские хроники / О. Громыко. — Москва : Армада, 2008. — 410 с.
7. *Зайцев, А. И.* Греческая религия и мифология / А. И. Зайцев. — Москва, Санкт-Петербург : Академия, 2005. — 208 с.
8. *Зелинский, Ф. Ф.* История античных религий / Ф. Ф. Зелинский. — Ростов на Дону : Феникс, 2010. — 478 с.
9. *Кагаров, Е. Г.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции / Е. Г. Кагаров. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 336 с.
10. *Каллимах.* Гимны / Каллимах // Александрийская поэзия / сост. М. Грабарь-Пассек. — Москва. — С. 101–129.
11. *Нильссон, М.* Греческая народная религия / М. Нильссон. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — 218 с.
12. *Овидий.* Собрание сочинений : в 2-х т. / Овидий. — Санкт-Петербург : Биографический институт «Студия Биографика», 1994. — Т. 2. — 528 с.
13. *Пратчетт, Т.* Цвет волшебства / Т. Пратчетт. — Москва : Эксмо, 2006. — 414 с.
14. *Сапковский, А.* Последнее желание. Меч Предназначения / А. Сапковский. — Москва : АСТ, 2005. — 632 с.
15. *Фрэзер, Дж. Дж.* Золотая ветвь / Дж. Дж. Фрэзер. — Москва : АСТ, 1998. — 784 с.

Седзініна-Баркоўская Юлія Анатольеўна — старшы выкладчык кафедры класічнай філалогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск).

Філалагічныя штудыі = *Studia philologica* : сб. навук. арт. / пад рэд. Г. І. Шаўчэнка, К. А. Тананушкі ; рэдкал.: А. В. Гарнік [і інш.]. — Вып. VIII. — Мінск 2015. — С. 67–74.